

ПРОСТРАНСТВО ДОМА У РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.¹

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ФЕДЕНОК

(Институт этнологии и антропологии РАН: Российская Федерация, 119991,
г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** В статье рассмотрено изменение традиционной организации пространства жилого дома у русских Западной Сибири на протяжении XX в. Согласно полевым данным, собранным в Новосибирской обл., в первой половине XX в. у русского населения сохранялись многие традиционные черты структурирования пространства дома, что диктовалось традиционной системой отопления, расположением русской печи, типовым набором мебели. Заселение Западной Сибири шло путем миграции крестьян из разных губерний Российской империи, где бытовали субкультурные различия в организации пространства дома. И до настоящего времени в воспоминаниях респондентов прослеживается небольшая разница в нормах структурирования жилого пространства дома у выходцев из разных регионов. Новое место, как и новая эпоха, привели к формированию новых проксемических параметров у русских. Наши респонденты отмечали, что в детстве и юности воспринимали нормы пространственной организации дома как нечто неизменное и не могли подумать, что в конце жизни увидят такие серьезные трансформации как самой концепции организации внутреннего пространства дома, так и внутрисемейных правил поведения в доме.*

***Ключевые слова:** проксемика, организация пространства, жилой дом, русские, Западная Сибирь.*

Жилой дом является относительно устойчивым компонентом материальной культуры, и его можно рассматривать как образ созданного человеком культурного пространства [Баак 2005]. Происхождение многих базисных представлений о жилище является очень древним. Так археологи отмечают, что уже со времен верхнего палеолита становится заметной организация человеком жилого пространства как в плане его технического оснащения, так и его символизации [Leroi-Gourhan 1965, 150. Цит. по:

Баак 2005, 42]. В ходе историко-культурного развития формируется определенная модель жилища, свойственная тому или иному народу. Данные культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, а многие из них остаются почти без изменений в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры. Но одновременно в жилом пространстве все время происходят трансформации, которые постепенно также становятся традициями [Традиционное жилище 1997, 3].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 13-31-01288 «Традиционная и современная организация жилого пространства дома: кросскультурное исследование».

Определенные способы организации пространства всегда этнически специфичны и являются одним из компонентов культуры народа [Бгажноков 2011, 21]. Во всех культурах существуют этикетные нормы, регламентирующие взаимное расположение индивидов. Традиционно характер структурирования пространства в доме определяется внутрисемейной иерархией, проявляясь в уважении к старшим по возрасту и по социальному рангу, в гостеприимстве, почтительности и других этикетных нормах поведения [Бутовская 2004; Лич 2001]. В проксемических параметрах это выражается в противопоставлении таких позиций, как, например, «почетный — менее почетный», «правый — левый», «мужской — женский» [Бгажноков 2011, 21]. Этноэтикет — своего рода эталон внутрисемейных, межполовых, межпоколенных и межродственных взаимоотношений [Бгажноков 1978]. В системе этноэтикета правилам структурирования пространства принадлежит особое место. Связано это с тем, что этикетно значимое распределение пространства находится в зоне социального взаимодействия людей [Бгажноков 2011].

Пространственная организация жилого пространства дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми в процессе социализации и воспроизводится практически неизменной во взрослой жизни [Бутовская и др. 2007]. Однако структурирование пространства дома компактной этнической группы изменяется по сравнению с национальным массивом, от которого она откололась [Феденок, Буркова 2015]. На такие трансформации могут влиять различные факторы: новые хозяйственные и природные условия, доступность строительного материала, социально-экономические отношения, иноэтническое окружение и др. [Феденок 2009].

Заселение Сибири происходило на протяжении длительного времени, а регионами исхода переселенцев служили губернии с разными локальными традициями домостроительства. Последнее определяет различия во внутренней планировке избы, что, в свою очередь, существенно влияет на организацию жилого пространства

дома [Русские 1997, 146]. Для выявления трансформации организации пространства дома у русских Западной Сибири в первой половине XX в. нами было проведено интервьюирование потомков переселенцев в с. Утянка Доволенского р-на Новосибирской обл. Всего нами был опрошен 21 человек, из них 7 мужчин в возрасте от 61 года до 85 лет и 14 женщин в возрасте от 64 до 99 лет. Все респонденты родились в современной Новосибирской обл. и относят себя по самоопределению к русским.

Нами был применен метод полуструктурированного глубинного интервью. Респондентам задавались вопросы о количестве членов родительской семьи и семьи по браку; количестве комнат в доме, в котором они росли и в котором жили после вступления в брак; проживала ли молодая семья с родителями мужа или жены; о наличии места у каждого члена семьи и расположении их на ночь; о порядке рассаживания за обеденным столом, о правилах приема гостей и об этикетном отношении к старшим и пожилым. Также мы фиксировали место рождения и регион исхода предков.

ЗАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА

Современный Доволенский р-н Новосибирской обл. расположен в юго-западной части Западной Сибири, в Барабинской низменности и до 1917 г. входил в Томскую губ. Заселение этого региона началось в начале XVIII в., когда, по легенде, в Сибирь сослали каторжных крестьян, осужденных за бунтарство. Село Утянка было основано в 1848 г. Первыми поселенцами стали семьи беглых крепостных крестьян центральных губерний России (Тамбовской, Полтавской, Орловской, Курской, Черниговской) [История развития].

Вторая волна заселения началась после отмены крепостного права. *«Если вспомнить все, то дедушка и бабушка приехали сюда после отмены крепостного права в 1862 году <...> Здесь они обосновались на жительство. <...> А леса здесь были непроходимые <...> болота. <...> Всё постепенно народ начал здесь обживать. Лес вырубали, дома строили. Много людей было, дичи всякой, люди жили — обживались»* (Зап. от Ивана Петровича Савченко, 1934 г.р., урож. с. Утянка)². Третья волна

² Приведенные в статье полевые материалы собраны Ю. Н. Феденок в экспедиции 2013 г. в с. Утянка, Доволенского р-на Новосибирской обл. и хранятся в ее личном архиве.

заселения прошла во время Столыпинской реформы, когда у крестьян появилась возможность взять ссуду на переезд и обустройство на новом месте.

Из опрошенных нами респондентов только пять человек не знали, откуда их предки прибыли в Сибирь. Остальные распределились следующим образом: три из Орловской, один из Тамбовской, два из Черниговской и два из Томской губ., два из Белоруссии, четыре из Украины (Полтава и Херсон), по одному из современных Кемеровской и Красноярской обл. Двенадцать человек указали, что их предки переселились в XIX в., шесть — во время Столыпинской реформы, один — во время Гражданской войны. *«Из Европы зачем приезжали? На свободные земли, труд применить. Там тесно, тут свободно. Ну, там им тоже рассказывали, наверное, про Сибирь»* (Зап. от Татьяны Алексеевны Гончаренко, 1933 г.р., урж. с. Ярки).

Исследователи Сибири указывают, что пореформенные переселенцы, у которых отцы и деды сами переселились в Сибирь со второй половины XIX в., в отличие от старожилов, как правило, помнят о местах выхода своих предков, вплоть до названия озера или села, и эта память нередко сохраняется в названии новых селений или их частей — улиц, концов, краев [Горюшкин, Миненко 1984, 147]. Наши респонденты также отметили, что память о регионах исхода в названии частей села до сих пор сохраняется, хотя сейчас их уже используют гораздо реже. На противоположных концах с. Утянки находились районы Тамбова и Радомка. Регионами исхода жителей этих районов являлись, соответственно, Тамбовская губ. и восточные районы Украины. Центральная часть села по большей части заселялась из бывшей Черниговской губ. (современной Брянской обл.). В начале XX в. воспоминания о регионах выхода были настолько сильны, что жители отличались поговору, вышивке на одежде, а у молодежи из разных районов села было некоторое противостояние.

ОБУСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН НА НОВОМ МЕСТЕ

Переселенцы, приезжая на новые территории, старались зачастую селиться землячествами, первое время нередко

живя у родственников или в землянках у местных крестьян [Майничева 2003]. В одной избе зачастую жило по две-три семьи, а на постройку или покупку хорошего дома требовалось довольно продолжительное время. Во время пореформенного переселения крестьян это было связано с недостаточностью полученной первоначальной ссуды (об этом см. [Рачковский]).

Каждая новая волна поселявшихся начинала застройку с возведения однокомнатных изб с русской печью, состоящих только из одной жилой комнаты — избы, к которой пристраивались сени. *«Ну, сколько комнат бывает в заплетенке? Комната большая, где все жили, на полу все спали»* (Зап. от Владимира Васильевича Жилина, 1949 г.р., урж. с. Ярки). Наплыв переселенцев и лимит использования леса на душу населения создавали ограничение строительных материалов. Поэтому новоселы возводили временные постройки и использовали такие древние формы жилища, как землянки [Липинская 1987, 75]. *«Да, господа, какой он был, конурки были. Не то, что это сейчас, земля была, земля, не то, что сейчас. Калом помажем, если обдерется, это смех была, а не жизнь. А стены камышитовые, камыш был. Крыша — пласты»* (Зап. от Лидии Сафроновны Зенковой, 1935 г.р., урж. с. Баклуши).

Из-за нехватки леса переселенцы делали дома из земляных пластов. *«Ну, как вот земля вот щас, где-нибудь там, в поле, и вот их вырезали, вырезали, и клали, клали, клали. Ну и дом, а тут соломой крыли. Так, аха, земляной. И вот я скажу, все вот так вот почти жили, в халупах»* (Зап. от Нины Ивановны Сергеевой, 1938 г.р., урж. с. Ярки). Жители таких временных жилищ старались по возможности поставить дом. *«Самодельные дома из местного леса рубили. Рубили, лишь бы можно жить было. Вот. Крыши были соломенные в домах или из пластов земли. На две комнатки»* (Зап. от И. П. Савченко, см. выше).

В дальнейшем переселенцы стремились к улучшению жилищных условий, к обустройству собственным домом и к увеличению числа комнат [Листова 1987]. При этом использовались те подручные материалы и технические возможности, которые находились в арсенале населения.

«Пятистеночек kamiшитовый был. Две комнатки, кладовочка, стеночка» (Зап. от Веры Тихоновны Лисничьих, 1936 г.р., урж. с. Баклуши).

У некоторых переселенцев была финансовая возможность покупать добротные дома у старожилов. «*Это был крестьянский пятистенник, железом крытый. Это было редкость очень в нашем селе. Видно, у кого-то покупали. Но трудом своим. У крестьянина-середняка*» (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше). Дома старожилов отличались тем, что были срублены из дерева, в них были две комнаты (кухня или изба и горница), которые отапливались русской и голландской печками. У входа ставили русскую печь, а в стене между кухней и горницей ставили или вмазывали в стену голландку, чтобы отапливать вторую комнату. Во всех домах старожилов был настелен дощатый пол, к чему в дальнейшем стремились и переселенцы.

Однако не у всех поселенцев были возможности купить или построить дом, поэтому приходилось снимать квартиру: «...иногда с хозяевами в одной комнате, иногда в отдельной комнатке. На печке спали, тапчан стоял — на тапчане, и на полу приходилось спать. Всяко приходилось. Мы же жили всё время по квартирам, 20 лет» (Зап. от Галины Григорьевны Цыганковой, 1913 г.р., урж. с. Утянка). Хозяева, которые сдавали комнаты или углы переселенцам, сами зачастую ютились всей семьей в одном углу дома. При этом все респонденты отмечают, что квартиранты и хозяева жилья жили дружно, порой относились по-родственному, но питались всегда отдельно друг от друга.

Поскольку в пореформенный период усилился поток переселенцев преимущественно из средне- и южноевропейской полосы, создавались новые этнокультурные традиции, отличающиеся от быта сибиряков-старожилов. Если культура последних основывалась в основном на севернорусских традициях, то в среднерусских, южных районах России и на Украине строили небольшие рубленые, нередко обмазанные снаружи глиной низкие избы (хаты) без подклета, с глинобитным или деревянным полом [Липинская 1997, 61]. Дома ставили длинной стороной вдоль улицы и покрывали четырехскатной соломенной крышей, на переднем фасаде

прорубалось одно или три окна [Русские 1997, 138].

Многие дома начала XX в. в с. Утянка были построены как типичные хаты степных районов Украины и Южной России: низкие, стены из мелкого неровного леса, плетня, глиносоломенной смеси, самана, обмазанные глиной и побеленные, крыши крыли тесом или соломой. «*Я про свой дом помню — был глиной намазанный и соломой крытый. Пола не было, был глиняный. Глиной белили белой пол. Подбеливали. Мыли. Летом травы налаживали и по траве ходили*» (Зап. от Валентины Ивановны Савченко, 1938 г.р., урж. с. Утянка)).

В колонизируемых земледельческих районах Сибири семьи изначально были малыми, постепенно превращаясь в расширенные семьи путем разрастания малых семей, приехавших на новые места к родственникам, обустроившихся здесь несколько ранее [Александров, Власова 1997б; Шмелева 1992]. Это обуславливалось как необходимостью рабочих рук для обработки земель, так и невозможностью строить новые дома для новых семей. Наши респонденты отмечали, что количество детей в семьях в начале XX в. было от 4 до 14, при этом по многим семьям дети умирали (например, из 12 выжило 4, из 7—2), а «*рожали на выживание*». Большинство молодых семей жили первое время с семьей мужа (родителями или братьями), а два респондента указали, что молодые жили с матерью жены.

В связи с большой численностью расширенных семей и небольшой площадью изб условия домашней жизни русских крестьян отличались теснотой, скученностью и антисанитарными условиями [Русские 1997, 133]. Наши респонденты отмечали, что привычным делом в домах были различные насекомые (вши, блохи). «*В этой кухне, Господи, зимовали: если корова отелится — теленочка в угол, его привязывают, чтобы спасти <...> А если когда что, так на полу спали. Бывало блохи донимали. Тогда полынь рвали и да клали на пол*» (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше). «*<...> а еще угол надо оставить для телят, для ягнят, чтобы теленка привязать, овечку завести с ягненком, морозины-то были*» (Зап. от Л. С. Зенковой, см. выше). В связи с теснотой и многофункциональностью жилого помещения в традиционном доме

огромное значение имела правильная организация пространства избы.

ПЛАНИРОВКА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Хотя существует много локальных вариантов русского жилища, но характерной особенностью для всех является единый принцип организации жилого пространства дома и функционального его распределения [Шмелёва 1992]. Обычные размеры крестьянской избы были 4×4 м, с давних пор установились строгие правила использования ее пространства: каждый угол имел свое определенное назначение, помогая рационально использовать внутреннее пространство [Русские 1997, 145]. В дальнейшем развитии каждый угол крестьянской избы выделялся в отдельное помещение [Криничная 2009, 29].

Традиционно центральное место в крестьянском доме отводилось большой глинобитной или кирпичной печи, служившей одновременно для отопления и для приготовления пищи. Она занимала от одной пятой до одной четвертой площади избы. *«Когда заходишь, направо печка большая, почти на полкомнаты, четверть комнаты занимала. Печка русская называлась. Сделана из кирпича была. Топилась чем попало. Ну и мусором всяким, дровами. Тепло было от нее. На печке ребяташки спали»* (Зап. от И. П. Савченко, см. выше).

Обычно печь помещали в одном из углов дома. В зависимости от положения печи и переднего угла, а также направления устья печи в русском жилище выделяют четыре типа внутреннего плана избы. В с. Утянка распространен западно-русский (украинско-белорусский) план избы (хаты). В домах такого типа русская печь расположена налево или направо от входа в одном из задних углов избы, а устье ее направлено к длинной боковой стене и находится около входной двери [Русские 1997, 147].

Стол и лавки стояли в строго отведенном месте (вдоль противоположной печи стене). Мебель изготовлялась при постройке избы и зачастую плотно крепилась к стенам, а при продаже дома мебель (особенно стол) переходила к новым владельцам. Однако некоторые переселенцы привезли из Европейской России свою мебель. *«Еще тут скамейка была. Аж из*

Европы скамейку везли. Тяжела была. На ней мясо рубили и все. Тут мы все сидели» (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СПАЛЬНЫХ МЕСТ И ПОЛОВАЯ СЕГРЕГАЦИЯ

В целом наши данные показывают, что у крестьян была строгая половозрастная сегрегация спальных мест членов семей (за исключением семей, находящихся в нищем положении, когда все вынуждены были спать вместе, чтобы не мерзнуть). Отличительной чертой домов сибиряков была кровать для старших в семье, установленная рядом со входом в избу. Первоначально она была деревянная, врезанная одной стороной в стену дома, а позднее ее заменили металлические покупные кровати [Листова 1987]. *«Справа от входа печь, рядом с ней голландка, слева от входа сваренная кровать железная, на которой спали родители»* (Зап. от Нины Никитьевны Черновой, 1938 г.р., урож. с. Утянка).

В связи с большой скученностью в крестьянских избах и отсутствием кроватей, вопрос спальных мест стоял остро. Вместо кроватей чаще всего использовали полати, сундуки, или спали на полу. *«Кто на печке, а кто так, досточка приделана — нары (полати), полати называется. А тятя с мамой, там деревянная кровать, с ней сделана»* (Зап. от Л. С. Зенковой, см. выше). Хотя зачастую у людей и не было индивидуальных мест, а спали по несколько человек, но все же мальчиков старались отделять от девочек, равно как и старших от младших.

Маленькие дети до трех лет спали в люльке, подвешенной по русской традиции к кольцу в матице. *«Посреди дома вбито вот, в матку, и он, это, там, колыбался, качался»* (Зап. от Екатерины Николаевны Жилиной, 1949 г.р., урож. с. Индере). На ночь люльку опускали низко, а на пол клали мягкие фуфайки, шубы. Маленькие дети также могли спать с матерью на полу или на печи. *«Печь большая была — пятеро спали поперек, не подоль печи, мамка шестая. Большеенькие уже спали в горнице»* (Зап. от В. Т. Лисничих, см. выше). В некоторых семьях девочки спали с матерью, а мальчики с отцом. Интересно отметить, что уже в 1950–1960-е гг., когда стали строить двух- и трехкомнатные дома, некоторое время еще сохранялась традиция всей

семьей спать в одной комнате. В целом же разнополые дети могли спать вместе на печке или на полатах до 10–13 лет. В дальнейшем их распределяли по половому признаку, выделяя одно спальное место для двух-трех однополых детей.

Этнографы отмечают отсутствие приватности в частной жизни русских крестьян, а так как дети и взрослые спали вместе, дети становились невольными свидетелями отношений взрослых членов семьи [Безгин 2004]. Наши данные показывают, что условия проживания зачастую не позволяли уединяться, однако супругам, особенно молодым, всегда старались выделить какое-то место — они спали на полу, на самодельной деревянной кровати или, при достатке семьи, им покупали металлическую кровать.

Кросскультурные исследования показывают, что понятие тесноты и связанное с ним отрицательное психологическое восприятие толпы присущи не всем культурам [Бутовская 2004]. Наши респонденты отмечали, что в тесных условиях проживания в избе у русских переселенцев все же были некоторые механизмы уединения. К примеру, летом супруги могли уйти вдвоем ночевать в предбанник, на сеновал или другие хозяйственные постройки, чем достигалась некоторая степень приватности малой семьи, проживающей в одном доме с родственниками. А начиная с 1950-х гг. молодые супруги уже пытались как-то отгородиться от родственников в доме. «Брат женился. С женой спал в горнице. У них кровать была. Там уже купили себе ширму над кроватью — такая мода была, закрываться. Ну, молодые, ну как им спать-то при всех?» (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше). «Такую занавесочку на койку делали, когда стеснялись, чтобы никто не видел» (Зап. от В. И. Савченко, см. выше).

Понятие отдельной супружеской спальни комнаты появляется только к 1960-м гг. С этого же времени, если позволяли условия, разнополых детей стали определять по разным комнатам. «А ребятки у нас, ну как они уже, ну разные, дочь с сыном <...>, вот мы жили, в деревне, там две комнаты — еще роскошь была, а так их уже, всё по комнате по одной» (Зап. от Е. Н. Жилиной, см. выше).

Сами респонденты объясняют появление приватности в семьях влиянием

телевидения, которое транслирует определенные ценности, в том числе и в частной жизни. Однако, на наш взгляд, в первую очередь это связано с техническими возможностями расширения жилого пространства дома. «В 1960-е достроили дом <...> ну уже время такое было, что уже стали две-три комнатки <...> трубы были, вот, трубы уже. Так вот трубы железные, по тем комнатам — отопление у нас было» (Зап. от Анны Никифоровны Небарак, 1938 г.р., урож. с. Согорное). Такое положение вещей мы наблюдали также в татарской и болгарской культурах: элементы традиционного жилища и структурирования пространства дома начинают сильно видоизменяться при переходе на иные системы отопления, что ведет и к трансформациям в пространственной организации дома [Феденок 2009].

Половая сегрегация у русских была не только в жилом доме, но и распространялась на другие помещения. Например, мужу и жене не было приличным мыться вместе в бане. «Сейчас молодые раз — вместе идут в баню, да? Моются муж с женой, а тогда нет, папа отдельно, мама отдельно <...> сначала мужики сходят в баню, а потом уже женщины идут с детьми» (Зап. от Н. Н. Черновой, см. выше). Так же и во временных служебных помещениях, где жили рабочие, пространство делилось на мужское и женское. «Летом доярки с пастухами выезжали в степь. Домик был двухкомнатный с нарами, для мужчин и женщин отдельно» (Зап. от В. Т. Лисничих, см. выше).

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

В традиционной русской избе находился передний (святой, красный) угол, где стоял обеденный стол и висел киот (божница) с полками для икон. В зависимости от планировки избы и расположения печи, передний угол мог располагаться в любом углу избы (напротив или по диагонали от печи) [Криничная 2009, 30]. «В углу, первая, первое место для них, знаешь, такое, выстлано полотенце на нем, и иконка так, подставка... да, во второй комнате так, праздничная комната, все и там» (Зап. от Е. Н. Жилиной, см. выше).

Именно это пространство дома было наиболее значимым в мифо-ритуальном и этикетном плане [Криничная 2009, 29].

Передний угол считался почетным, под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, в редких случаях, при отсутствии мужчин, старшая в семье женщина, свекровь [Громыко, Буганов 2007]. Туда же усаживали почетных гостей и новобрачных во время свадьбы [Русские 1997, 145]. Удаленность от почетного угла за столом зависела от иерархического положения человека: чем младше или ниже статус, тем дальше от почетного места он садился [Криничная 2009, 30].

Хотя все наши респонденты отметили выделение переднего угла в своих домах, рассадка членной семьи за обеденным столом в семьях была разная. Обычно ели все вместе, за редким исключением ввиду занятости взрослых или при нехватке мест в большой семье. *«Печка русская была. Рогачом вот таким доставать чугуны тяжело. За каждым разом туда не полезет никто. Тут уж все вместе садились»* (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше).

В ряде семей отец садился строго в передний угол, и на его место никто не мог сесть. *«Отец садился самый первый в угол под икону. Так принято, наверно, было. Уж не знаю. А мама раз она из печки все подает, она вот тут с краю. Табуреточка у нее была»* (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше). Однако были и такие семьи, где отец не садился в передний угол, а ел с краю, сидя на лавке. Были семьи, в которых кормили сначала отца семейства, а потом детей, обосновывая это тем, что отцу нужно на работу, а в других семьях, наоборот, кормили первыми младших детей, а затем уже всех старших.

Когда ела вся семья, за столом чаще всего соблюдалось половое разделение. *«Мы здесь сидим все девчонки. Парни напротив. Мамка у печки, она от печки подавала и садилась»* (Зап. от В. Т. Лисничых, см. выше). При большом количестве людей (например, во время приезда родственников или больших праздников), если не хватало места за столом, дети могли есть стоя или сидя на полатах [Громыко, Буганов 2007, 163].

До 1950–1960-х гг. вся семья ела из одной чашки из-за отсутствия посуды. *«Налито в чашку, там борщ, или суп, или что, и все из этой чашки одной ели деревянными ложками»* (Зап. от Г. Г. Цыганковой, см. выше). В ходе расспросов наших

респондентов выявлена следующая закономерность: если в семье у каждого члена есть свое четко фиксированное место за столом, то велика вероятность, что и посуда (в первую очередь ложки, а по возможности и кружки) будет четко персонафицированы. *«У кого ручка подлиннее, у кого, значит, покорооче, все..., каждый свою знал»* (Зап. от Н. Н. Черновой, см. выше).

Были и такие семьи, где индивидуальные предметы были только у отца как у хозяина, а у остальных членов семьи все было общее. Последнее, на наш взгляд, объясняется еще и тем, что понятие о личной собственности у русских крестьян развивалось медленно и до XX в. распространялось только на одежду, а глава семьи всегда пользовался большими правами, чем остальные члены семьи [Александров, Власова 1997б]. В семьях, где не было четкой иерархии, предметы чаще всего были обезличенными. *«Чашки пошли, деревянные ложки были. Кто какую захватит, как поторопится. Была ли она посуда у нас. Не было!»* (Зап. от Л. С. Зенковой, см. выше).

При этом почти во всех семьях соблюдалась четкая иерархичность в приеме пищи: пока не начнет есть отец или старший в семье, дети не прикасались к еде. *«Без разрешения у матери или отца мы не ели тот кусочек мяса <...> Получишь по лбу!»* (Зап. от В. И. Савченко, см. выше).

Интересно различие в дележе пищи, отмеченное нами: чем беднее была семья, тем более эгалитарные отношения были в ней. В таких семьях зачастую не соблюдался иерархический дележ еды, а отец отдавал лучшее детям. В более богатых семьях, наоборот, соблюдался этикет в принятии пищи: глава семьи всегда ел первым, ему хозяйка зачастую клала лучшие куски. Связано это, на наш взгляд, с необходимостью обеспечения выживаемости детей. При недостатке пищи в бедных семьях родители стремились как можно лучше накормить детей. В зажиточных же семьях дети в любом случае получали необходимое количество еды.

ГОСТЕПРИИМСТВО

В традиционной крестьянской среде было развито гостеприимство и странноприимство, нередко нищему могли отдать последнее [Громыко, Буганов 2007, 179].

Такую особенность отмечают и наши респонденты: *«Одна комната. Пол настилен бревнышками какими-то, не досками. И старушка эта еще привечала у себя бездомных, сюда могли как-то помещаться. Как? Своя семья и еще — на печке, на полу..., а кровать там какая? Рухлядь стояла деревянная»* (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше).

Гости бывали хоть и редко, но по многу, поскольку в каждой семье было много родственников, которые приезжали со своими супругами и детьми. Респонденты вспоминали, что в деревне односельчане устраивали вечера, принимая по очереди друг друга в гости. В таком случае хозяйка готовили горячие блюда, а остальные принесли брагу и закуску. Всех гостей хозяйка всегда встречала радушно. Все отмечают, что гости — это было святое. Детей сразу же отправляли, по возможности, к бабушкам, соседям или на полати. Кормили в таком случае детей отдельно, на печке или на полатах. *«А вот когда если гости садятся за стол, нас никого не было за столом <...> мы или на печке там сидим, или вот так вот»* (Зап. от В. В. Жилина, см. выше). При рассаживании за столом хозяин, как правило, оставался на своем месте, а гости рассаживались сами. Респонденты отмечают, что гости сами обычно знали, куда им следует сесть, или же садились как придется.

Чтобы достойно принять гостей, хозяйка готовы были отдать последнее. *«А спать ложились на пол. Какая дерюга есть, какая постель есть, тем и укрывались. С себя снимешь и гостя укроешь!»* (Зап. от В. И. Савченко, см. выше). Укладывали же гостей чаще всего на пол, на спальные места детей (последние тогда спали с родителями или братьями и сестрами), в крайнем случае просили соседей принять часть гостей на ночь.

ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ ИЕРАРХИЯ

Традиционная патриархальная крестьянская семья у русских отличалась строгой внутрисемейной иерархией, при которой младшие члены семьи безропотно подчинялись страшим, жены — мужьям, дети — родителям [Александров, Власова 1997а]. В семьях в повседневном быту сохранялось подчеркнуто уважительное отношение к главе семейства, для всех были строго определенные правила. Несколько

наших респондентов отметили, что и они, и их родители обращались к своим родителям на «Вы». *«А мне как-то называть “ты” и то мне неудобно»* (Зап. от Н. И. Сергеевой, см. выше).

Особое уважительное отношение было к старшим, особенно к пожилым людям. Такое поведение воспитывалось родителями как социально желательное. *«Боже упаси, чтоб на бабушку или на прабабушку крикнуть. У нас эта приучали <...> Ну, разговором, что старших ничьих нельзя, нельзя обижать, нельзя повысить голоса, надо поздороваться»* (Зап. от А. Н. Небарак, см. выше). При этом пожилые люди вносили свой сильный вклад в семью тем, что заботились о младенцах, пока все взрослые работали. *«<...> старенькая бабушка, негодная, присматривает за дитями. Больших нету, большие тоже с мамой на бригаде»* (Зап. от Марии Федосовны Савенко, 1935 г.р., урож. с. Утянка).

Одной из этикетно значимых норм поведения младших было то, что при старших, особенно посторонних, дети должны были вести себя тихо, спокойно, не привлекая внимания. *«Когда старшие пришли — если лето, мы на улицу выедем, зима — на печку залезем, чтобы не мешать»* (Зап. от В. Т. Лисничьих, см. выше). Родители учили детей, что со старшими необходимо здороваться, по возможности уступать места.

Так же детей приучали уважительно относиться и ко всем родным. *«Все время наказывали: это твоя сестричка, ты не обижай, не забывай. Это твой братик родный, смотри, он же старше тебя, дай ему водички. Старшего мы должны уважать. У нас это все сохранилось»* (Зап. от В. И. Савченко, см. выше).

Традиционно маленьких детей не наказывали, а с семи лет начинали строго взysкивать, приучая ребенка к ответственности за свои поступки. Как крайняя мера применялось физическое наказание [Листова 1997]. *«Стоит только кому-то разбаловаться, так сразу по лбу получишь. Все боялись, все уважали, дисциплина была!»* (Зап. от И. П. Савченко Иван Петрович, см. выше). Со слов наших респондентов наказывали детей за неуважение к старшим, за нанесение ущерба соседям (если рвали урожай на огороде), особенно за воровство, пугая,

к примеру, тюрьмой. *«И учили еще, чтобы чужое не брать. За воровство. Начнешь, говорили, с иголки, а закончишь плохим!»* (Зап. от В. И. Савченко, см. выше).

В качестве методов наказания применяли ряд запретов (например, гулять), шлепки, удары (например, ложкой по лбу), ставили в угол, и как самое сильное наказание — порку ремнем или прутьями. При этом у сельских детей была довольно большая степень свободы, когда родители могли и не знать о том, где и что делают их дети. *«Я вот перед сном пройду и по ногам считаю — все дома?»* (Зап. от Марии Васильевны Черновой, 1935 г.р., урож. д. Сарабалык).

* * *

В Западной Сибири различия домов определялись неодинаковыми природными условиями различных регионов Сибири, локальными этническими традициями русских переселенцев и контактами с коренными сибирскими народами [Русские 1997]. Наши полевые данные, собранные в Новосибирской обл., показали, что в первой половине XX в. у русского населения сохранялись многие традиционные черты структурирования пространства дома. Последнее диктовалось традиционной системой отопления, расположением русской печи, типовым набором мебели, чаще всего довольно скудным.

Интересно отметить, что по воспоминаниям респондентов можно выявить небольшую разницу в нормах структурирования жилого пространства дома у выходцев из разных регионов. Такие региональные различия заметны при сравнении домов переселенцев из Тамбовской и Орловской губ. с домами выходцев из Черниговской губ. и других южнорусских и украинских пограничий, что связано с субкультурными различиями как в традиционном строительстве домов,

так и внутренней его организации. Например, традиционная лавка «конник», стоящая у входной двери и предназначенная для мужской работы, встречается только у выходцев из Тамбова.

Наши респонденты отмечали, что в детстве и юности воспринимали нормы пространственной организации дома как нечто неизменное и не могли подумать, что в конце жизни увидят такие серьезные трансформации как самой концепции организации внутреннего пространства дома, так и внутрисемейных правил поведения в доме. *«Никогда я даже не заикалась, думала, что так и будет всегда»* (Зап. от Л. С. Зенковой, см. выше).

Особо подчеркивалось, что авторитет отца (главы семьи) был незыблем, а его мнение никоим образом не оспаривалось, в отличие от того поведения, которое они наблюдают сейчас у своих внуков и правнуков. Женщины говорили и о том, что сами стали воспитывать своих детей уже по-другому, давая больше свободы и уходя от жесткой регламентации поведения в семье.

В отличие от современных российских молодых людей, зачастую в самых мелких деталях представляющих свой будущий дом, респонденты, родившиеся в первой половине XX в., в молодости даже и не думали о том, как будут жить и какие у них будут дома [Феденок, Бутовская 2012]. *«Ни о чем не думали. Женихи были на уме. Я вышла замуж — так у него ни кола ни двора. На квартире жили. <...> Потом нам квартиру дали, когда ребенок у меня появился. Так я рада была без памяти!»* (Зап. от Т. А. Гончаренко, см. выше). Именно поэтому наша самая пожилая собеседница, прожившая почти сто лет, оглядываясь назад и вспоминая жизнь на протяжении всего XX в., заметила, что современные российские люди *«живут, как в раю, — всё есть!»* (Зап. от Г. Г. Цыганковой, см. выше).

Литература

Александров, Власова 1997а — Александров В. В., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (XVII — середина XVIII в.) // Русские: Историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 85–100.

Александров, Власова 1997б — Александров В. В., Власова И. В. Семейный уклад и домашний быт крестьянства (XVIII в. — 1860-е гг.) //

Русские: Историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 101–113.

Баак 2005 — Баак ван Й. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Всев. Ивановна. М., 2005. С. 40–74.

Бгажноков 1978 — Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 3–17.

- Бгажноков 2011 — *Бгажноков Б. Х.* Этнография адыгов. Нальчик, 2011.
- Безгин 2004 — *Безгин В.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004.
- Бутовская 2004 — *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
- Бутовская и др. 2007 — *Бутовская М. Л., Феденко Ю. Н., Буркова В. Н.* Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтнических школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М. Ю. Мартынова, Н. М. Лебедева. М., 2007. С. 314–366.
- Горюшкин, Миненко 1984 — *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Громыко, Буганов 2007 — *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М., 2007.
- История развития — История развития села Утянка Доволенского района Новосибирской области. URL: <http://www.admutyanka.ru/passport.php?razdel=passport> (дата обращения: 12.10.2015).
- Криничная 2009 — *Криничная Н. А.* Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42.
- Липинская 1987 — *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII — XIX вв.). М., 1987.
- Липинская 1997 — *Липинская В. А.* Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России XIX — начало XX в. М., 1997. С. 60–79.
- Листова 1997 — *Листова Т. А.* Традиции трудового воспитания в деревне // Русские: Историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 114–142.
- Лич 2001 — *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в антропологии. М., 2001.
- Майничева 2003 — *Майничева А. Ю.* Рассказы о переселении // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX — XX веков. Омск, 2003. С. 64–73.
- Рачковский — *Рачковский П. Ю.* Судьбы крестьян переселенцев URL: <http://xn-90anbaj9ad0j.xn-80asehdb/library/> (дата обращения: 14.09.2015).
- Русские 1997 — Русские: народная культура (история и современность). Т. 2: Материальная культура. М., 1997.
- Традиционное жилище 1997 — Традиционное жилище народов России (XIX — начало XX в.). М., 1997.
- Феденко 2009 — *Феденко Ю. Н.* Трансформация структуры пространства дома в локальных этнических группах (на примере болгар села Криничное Республики Украина и татар поселка Октябрьский Челябинской области) // Традиционная культура. 2009. № 2 (34). С. 42–48.
- Феденко, Буркова 2015 — *Феденко Ю. Н., Буркова В. Н.* Структурирование жилого пространства дома в иноэтнической среде // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. (в печати).
- Феденко, Бутовская 2012 — *Феденко Ю. Н., Бутовская М. Л.* Образ идеального дома у современных городских подростков // Развитие личности. 2012. № 3. С. 169–174.
- Шмелева 1992 — *Шмелева М. Н.* Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1992. Вып. VI. Русские. Кн. 2.
- Leroi-Gourhan 1965 — *Leroi-Gourhan A.* Le geste et la parole. La memoire et les rythmes. Paris, 1965.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (905) 576-30-38; e-mail: fedenok.julia@gmail.com

SPACE OF HOUSE AMONG RUSSIAN SETTLERS IN WESTERN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

YULIYA FEDENOK

(Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskiy av.,
Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. *This paper examines changes of traditional organization of the space of dwelling house at the Russian Western Siberia during the 20th Century. Our field data collected in Novosibirsk region, has shown that many traditional features of space structuring of the house have been maintained among the Russian population during the first half of the 20th Century. Stability has been dictated by location of the Russian stove according to traditional heating system, as well as by standard set of furniture. Settling of Western Siberia occurred through peasant migration from various provinces of the Russian Empire and was characterized with subculture diversity in the organization of space of home. So far, we observe differences in standards of structuring of dwelling house place, that appeared among people, descent from different regions. The new location, as well as a new era, led to the formation of new Russian proxemic parameters. Our respondents noted that they have perceived norms of spatial organization of house as something immutable during their own childhood and adolescence and could not imagine to face such serious transformation in organization of the internal space of the house and intra-behavior rules in the house, as it has happened at the fall of their lives.*

Key words: proxemic, organization of space, living house, Russian, West Siberia.

Acknowledgements. *This research is supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities No. 13–31–01288 “Traditional and Contemporary Organization of Dwelling Space of the House: Cross-Culture Research”.*

References

- Aleksandrov V. V., Vlasova I. V.** (1997a) Semeynyy ukhad i domashniy byt krest'yanstva (XVII — seredina XVIII vv.) [Family Life and Lifestyle Pattern among the Peasantry (the 17th — Middle 18th Century)]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russians. Historical and Ethnographical Essays]. Moscow. Pp. 85–100. In Russian.
- Aleksandrov V. V., Vlasova I. V.** (1997b) Semeynyy ukhad i domashniy byt krest'yanstva (XVII — seredina XVIII vv.) [Family Life and Lifestyle Pattern among the Peasantry (the 18th Century — the 1860s)]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russians. Historical and Ethnographical Essays]. Moscow. Pp. 101–113. In Russian.
- Bezgin V.** (2004) Krest'yanskaya povsednevnyy (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka) [Peasant Everyday Life (Traditions of the End of the 19th — the Beginning of the 20th Century)]. Moscow; Tambov. In Russian.
- Bgzhnokov B. Kh.** (1978) Kommunikativnoe povedenie i kul'tura (k opredeleniyu predmeta etnografii obshcheniya) [Communicative Behavior and Culture (to the Definition of Subject of Communication Ethnography)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1978. No. 5. Pp. 3–17. In Russian.
- Bgzhnokov B. Kh.** (2011) Etnografiya adygov [Ethnography of the Adygians (the Circassians)]. Načhik. In Russian.
- Butovskaya M. L.** (2004) Yazyk tela: priroda i kul'tura (evolyutsionnye i kross-kul'turnye osnovy neverbal'noy kommunikatsii cheloveka) [Body Language: Nature and Culture (Evolutionary and Cross-Cultural Basis of Nonverbal Communication)]. Moscow. In Russian.
- Butovskaya M. L., Fedenok Yu. N., Burkova V. N.** (2007) Vzaimoponimanie i tolerantnost' v povedenii detey i podrostkov v usloviyakh mnogoetnichnykh shkol'nykh kolektivov [Mutual Understanding and Tolerance in the Behavior of Children and Adolescents in Multi-ethnic School Groups]. *Molodezh' Moskvy: adaptatsiya k mnogokul'turnosti* [Moscow Youth: Adaptation to Multiculturalism]. Ed. by M. Yu. Martynov, N. M. Lebedev. Moscow. Pp. 314–366. In Russian.
- Fedenok Yu. N.** (2009) Transformatsiya struktury prostranstva doma v lokal'nykh etnicheskikh gruppakh (na primere bolgar sela Krinichnoe Respubliki Ukraina i tatar poselka Oktyabr'skiy Chelyabinskoy oblasti) [Transformation of Space Structure of the Dwelling amon Local Ethnic Groups (Exemplified in the Bulgarians of Krinichnoe the Village of the Ukraine Republic and the Tartars of Oktyabr'skiy the Village of Chelyabinsk Region)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2009. No. 2 (34). Pp. 42–48. In Russian.
- Fedenok Yu. N., Burkova V. N.** (2015) Strukturirovanie zhilogo prostranstva doma v inoetnichnoy srede [Structuring of Dwelling Space of

the House in Multi-ethnic Environment]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Tomsk State University Journal]. 2015. In Russian

Fedenok Yu. N., Butovskaya M. L. (2012) Obraz ideal'nogo doma u sovremennykh gorodskikh podrostkov [Ideal Image of the House among Contemporary Urban Adolescents]. *Razvitie lichnosti* [Development of Individuality]. 2012. No. 3. Pp. 169–174. In Russian.

Goryushkin L. M., Minenko N. A. (1984) Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XIX — nachalo XX v.) [Historiography of Siberia in the Pre-Revolutionary Period (End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries)]. Novosibirsk. In Russian.

Gromyko M. M., Buganov A. V. (2007) O vozzreniyakh russkogo naroda [About the Views of the Russian People]. Moscow. In Russian.

Istoriya razvitiya sela Utyanka Dovolenskogo rayona Novosibirskoy oblasti [History of development of the village Utyanka of Dovol'noe district of Novosibirsk region]. URL: <http://www.admutyanka.ru/passport.php?razdel=passport> (last retrieved: 12.10.2015). In Russian.

Krinichnaya N. A. (2009) Krasnyy ugol: ob istokakh i semantike sakral'nogo lokusa (po severnorusskim materialam) [The Icon Corner: About Sources and Semantics of the Sacred Place (Exemplified in Northern Russian Materials)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2009. No. 2. Pp. 28–42. In Russian.

Leroi-Gourhan A. (1965) *Le geste et la parole. La memoire et les rythmes*. Paris. In French.

Lipinskaya V. A. (1987) Russkoe naselenie Altayskogo kraia. Narodnye traditsii v material'noy kul'ture (XVIII — XIX vv.) [Russian Population of the Altay Territory. Folk traditions in the Material Culture (the 18th — the 19th Centuries)]. Moscow. In Russian.

Lipinskaya V. A. (1997) Zhilishche vostochnoslavlyanskogo naseleniya Sibiri [House of the East-Slavic Population of Siberia]. *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX — nachalo XX v.* [Traditional Dwellings of the Peoples of Russia

of the 19th — the Beginning of the 20th Century]. Moscow. Pp. 60–79. In Russian.

Listova T. A. (1997) Traditsii trudovogo vospitaniya v derevne [Traditions of the Rural Labor Nurturing]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russians. Historical-ethnographical Essays]. Moscow. Pp. 114–142. In Russian.

Lich E. (2001) Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v antropologii [Culture and Communication: Logic of Symbol Interaction. To the Usage of Structural Analysis in Anthropology]. Moscow. In Russian.

Maynischeva A. Yu. (2003) Rasskazy o peregelenii [Stories about Migration]. *Traditsionnaya kul'tura russkikh Zapadnoy Sibiri XIX — XX vekov* [Traditional Culture of the Russians of Western Siberia of the 19th — the 20th Century]. Omsk. Pp. 64–73. In Russian.

Rachkovskiy P. Yu. Destinies of the Peasant Migrants. URL: <http://xn-90anbaj9ad0j.xn-80asehdb/library/> (last retrieved: 14.09.2015). In Russian.

Russkie: narodnaya kul'tura (istoriya i sovremennost') (1997) [The Russians: Folk Culture (History and Nowadays)]. T. 2: *Material'naya kul'tura* [Vol. 2: Material Culture]. Moscow. In Russian.

Shmeleva M. N. (1992) Istoriko-etnograficheskiy ocherk traditsionnoy kul'tury [Historical-Ethnographical Essays on Traditional Culture]. *Materialy k serii "Narody i kul'tury"*. [Materials to the Series "Peoples and Cultures"]. Issue 6. The Russians. Book 2. Moscow. In Russian.

Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX — nachalo XX v. (1997) [Traditional Dwellings of the Peoples of Russia of the 19th — the Beginning of the 20th Century]. Moscow. In Russian.

Van Baak J. (2005) Dom i mir [Dwelling and the World]. *Antropologiya kul'tury*. Vyp. 3. K 75-letiyu Vyach. Vsev. Ivanova [Anthropology of Culture. Issue 3. Festschrift to the 75th Anniversary of Vyach. Vsev. Ivanov]. Moscow. Pp. 40–74. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: fedenok.julia@gmail.com

Tel.: +7 (905) 576-30-38

32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD (History), senior researcher, Department of Cross-Culture Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
